

ПО НАПРАВЛЕНИЮ
К

Н - некто, кого автор предпочитает не называть, кого можно себе представить, но не дано до конца быть уверенным, что представление это верно. В русском же тексте магическая тайнопись

значка особенно ошутима: чужеродное начертание знакомого звука, гость из иной системы. Впрочем, иногда случается и так, что с этой буквы начинается что-то реальное имя...

В спектакле Меншикова, Феклистов, Каплевича - постановке необычной во многих смыслах: и тем, что положенная в основу пьесы скорее напоминает сценарий, и тем, что в программке обозначены драматург, художник, актеры, режиссер же отсутствует, - всеобъемлющее, почти теряющее контуры N избавляет и зрителя, и участников от линейных интерпретаций. Два актера выстраивают на сцене мир, где N Нижинский - ни один из них и они оба, а N - Некто столь многолик, что почти не имеет лица.

Вопреки ожиданиям (опасениям) прямая хореографическая цитата в спектакле только одна:

- Ты видел когда-нибудь Видение розы? - спросит герой Меншикова у неизбывного своего собеседника.

- Нет.
- А я видел!
И, как десятки раз описано в

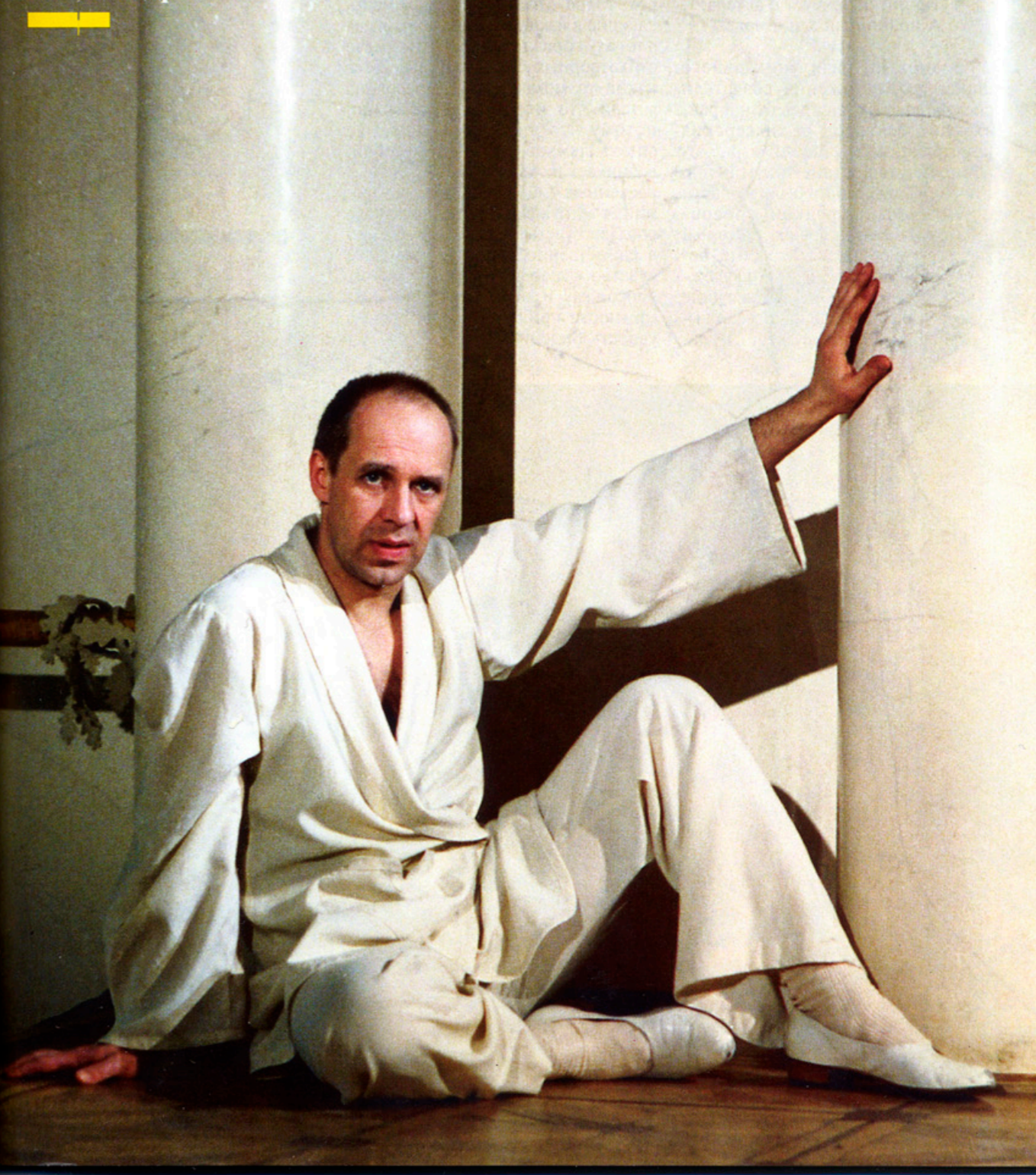

Олег Меншиков

Н - Некто, кого автор предпочитает не называть, кого можно себе представить, но не дано до конца быть уверенным, что представление это верно

Александр Феклистов

истории балета, в два прыжка перелетит за и высочит в окно. Самое обыкновенное, «нетheaterальное» окно, глядящее со второго этажа особняка бывшей Поливановской гимназии в глухой запертый двор, откуда несет на зрителя сырм и лодным московским воздухом. Но именно через этот гиперреалистический, по отношению к своему балетному прообразу и едва ли не цирковой в исполнении балетного артиста трюк, входит в действие еще одно N - некая неизвестная почти в современном театре величина,

«Взамен турусов и колес
Не четки требует с актера,
А полной гибели всерьез».

Возможно, ради уникального шанса ее постижения создатели спектакля, отказавшись от направляющих векторов режиссерских конструкций, пустились в рискованное путешествие дилетантов. Впрочем, здесь они были отчасти подстрахованы редкой способностью Павла Каплевича, который всегда, в любой своей работе несколько больше, чем просто художник, возводит структуры, несущие на себе действие. Однако весь визуальный ряд, с его «сумрачным ле-

сом» псевдомраморных колонн, с оживающими куклами-двойниками, точно выверенной световой партитурой и бело-серой гаммой костюмов, ни на секунду не превращается в застывшую схему, а рождает на сцене пространство, свободно дышащее в такт ритму спектакля. Спектакля, авторы которого не ставили себе целью воспроизвести сюжетные ходы, но пытались найти внутреннюю логику судьбы, сбившей с толку и друзей, и врагов, и потомков, вместившейся в таинственное N и зарифмованной в Нижинский-Жизнь...

Нижинский-Жизнь, Бог-Подвох, Мясо-Мясин - рифмы, мелькающие в изящно составленных диалогах гораздо точнее и четче стихотворных блоков пьесы. Но в какой-то момент ловишь себя на мысли, что это не столь уж важно, потому что энергия, рожденная спектаклем и ведущая его за собой, возникает не через текст и зону отвлеченных умозрительных построений, а минуя скрытый в материале соблазн чувственности, выливается в единственное и всеобъемлющее чувство - любви авторов к своему персонажу и подаренной им возможности прийти туда, где можно увидеть Видение розы.

Удивительная органика обоих актеров, которым не обязательно проиграть сцену, а достаточно лишь ее представить, бесконечно расширяет границы действия, позволяя включить в его составляющие все то, что осталось как бы за скобками: и собственно балетную линию, и хитросплетения жизненных коллизий, и исторический контекст...
Вряд ли «N» откроет новую линию развития современного театра. Скорее всего, он останется если не единственной, то уникальной попыткой подобного рода. Почти Подвохом, за которым, если следовать рифме, спектакля стоит...

Лариса Юсипова

«N» - спектакль агентства «Богис» по пьесе Алексея Буркина с участием Олега Меншикова и Александра Феклистова. Художник - Павел Каплевич.

